

УДК 82-94

ДНЕВНИК КАК ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОДПОЛЬЕ

М.Г. Чулюкина

Аннотация

В статье рассматривается ряд дневников, впервые опубликованных в постперестроечные годы в журналах «Новый мир», «Звезда», «Знамя», «Октябрь». На основании анализа содержания текстов сделан вывод о том, что рассмотренные дневники являются не просто источником детальной информации об эпохе, но и выступают как литературное подполье советского времени, в чем, в частности, состоит ценность дневниковой публицистики.

Ключевые слова: публицистический дневник, исторический источник, явление эпохи, фактические сведения, исповедальность жанра, способ протеста, цензура публикаций, архивные материалы, коммуникативная функция.

Во второй половине 80-х – 90-е годы XX века, когда людьми овладела тяга к исповеди, самопознанию, к осознанию прошлого, дневник стал чуть ли не ведущим жанром журнальной публицистики, отразившим и духовные искания российской интеллигенции, и трагизм общественно-политического и литературного процессов. Подобная ситуация вполне объяснима, поскольку дневниковая публицистика вбирает в себя те пласты жизни, которые не всегда попадают в открытую газетно-журнальную печать, и это делает её особенно ценной.

Ряд журналов, в частности «Новый мир», «Звезда», «Знамя», «Октябрь», в 90-е годы продолжает начатую в середине 80-х публикацию некоторых чудом сохранившихся писем и дневников. Из архивов были подняты произведения целой плеяды авторов, которые в силу ряда общеизвестных причин не могли быть опубликованы раньше. 90-е годы XX века в истории отечественной культуры оказались периодом, когда «состоялось тотальное изменение самой литературы, роли писателя, типа читателя» [1, с. 3].

Эти публикации вызывали ряд откликов со стороны читателей, позднее некоторые из дневников выходили отдельными изданиями. Такой интерес к дневниковой публицистике свидетельствует не столько о популярности «камерного» жанра, сколько о повышенном историзме мышления современного человека, проявившемся не только по отношению к «делам давно минувших дней», но и по «отношению к недавним событиям, которые не успели ещё превратиться в историю». По словам И.О. Шайтанова, «ощущение их близости к настоящему, связи с ним возрастают благодаря опыту их живых участников и свидетелей» [2, с. 3]. Действительно, от ведения дневника до его публикации прошло с точки зрения истории не так много времени, но за этот незначительный промежуток,

учитывая закон ускорения истории, сменилась целая социально-политическая система. В таком аспекте ценность дневника как исторического источника возрастает оттого, что для нас он представляет собой явление своей эпохи, которая отразилась на страницах дневниковой публицистики не только в детальной информации, но и как часть жизни автора. По мнению Дмитрия Лихачева, «дело в познании эстетической культуры прошлого через произведение искусства. И с этой точки зрения художественная ценность произведения искусства может возрасти с течением времени» [3, с. 110].

Результатом взаимодействия культуры недавнего прошлого и современности является продолжение жизни тех произведений, которые, как правило, заканчивают свою жизнь в архивах. Читатели перечисленных выше журналов получили дневники, превратившиеся «в исповеди о преодолении героем канонических, окаменелых, привычных представлений о советской действительности; они свидетели его приближении к реальности, которая оказалась богаче, сложнее и драматичнее книжных клише и шаблонов» [4, с. 99]. В дневниках, опубликованных в постперестроечные годы, заключена своя социальная драма, порожденная духовной несвободой личности, подавлением со стороны государства интеллектуального, авторского начала. Рассекречивание некоторой части документов, в том числе писем и дневников, – лишь вершина того айсберга, что ещё продолжает скрываться в различных фондах, архивах и музеях. Но даже то, что попало на страницы периодической печати, позволяет по-новому воспринимать, интерпретировать текст, изначально даже не рассчитанный на публикацию.

Дневниковая форма, безусловно, свидетельствует о закрытости информации, причины которой кроются не обязательно в интимности содержания, а скорее в потребности высказаться и в невозможности опубликовать. Это было решение вопроса, «как избежать трещины между тем, что ты думаешь, и тем, что ты пишешь» [5, с. 211]. Поэтому ряд публицистических выступлений в советские годы с газетно-журнальных страниц уходит в подполье. На страницах неподцензурных дневников нашли свое отражение факты, замалчиваемые, противоречащие взглядам и идеям, пропагандируемым со страниц советских СМИ, – это и картина общественного быта, и реальная экономическая, политическая ситуация, настроения и взаимоотношения в обществе, литературная жизнь.

Информационное поле дневников М. Пришвина, К. Чуковского, В. Вернадского, А. Твардовского и других не вписывалось в рамки литературной политики партии, целью которой было усреднение творческой индивидуальности.

Приметой ранней советской литературы был собирательный образ, изображающий «широкие слои трудящихся». Результатом такой политики стала тенденция следовать определенным нормативам, писать на заказ, насильственная подписка на отдельных авторов. Во многих областях культуры не было смелой постановки общих проблем, господствовала боязнь исследовательского риска, выдвижения гипотез. Размышляя на эту тему, В. Вернадский в своем дневнике пишет: «Невольно мысль направляется к необходимости *свободы мысли* как основной составляющей, равноценной основной структуре социального строя» [6, с. 198].

Нравственно-общественные вопросы, с которыми авторы дневников обращаются к читателю, актуальны не только для времени их создания – эти вопросы

имеют большое значение и для нас, поскольку это опыт, который позволит не просто расширить представления о советской действительности, но и извлечь уроки из прошлого.

Возможно, стереотипное представление о дневнике как о закрытом, камерном жанре вызвано традиционной интимностью дневникового содержания. Тем не менее для определенного типа людей возможность сохранить закрытую, неподцензурную информацию вызывает желание сделать не только личные, интимные записи, актуальные для одного человека и только в определенный момент, но и записи общественного содержания, нередко чреватые серьезными последствиями. Существование таких дневников вызывает ряд вопросов – почему авторы, имевшие возможность публиковать свои работы рисковали жизнью, шифровали свои размышления, не расставались с дневниками ни на час, носили с собой в бомбоубежища, прятали и только перед смертью передавали их своим близким, хранившим рукописи долгие годы как самую большую драгоценность? Это значит, что интимность не всегда предполагает нежелание опубликовать свое произведение, а скорее говорит о невозможности это сделать. Речь идёт уже об исповедальности дневникового жанра. Потребность высказаться закономерно ведет к появлению документа, не рассчитанного на нежелательного читателя.

Благодаря проявлению удивительной смелости и стойкости теми, кто вопреки всему заботился о будущем читателе, несмотря на беспримерную травлю, мы можем читать записи О. Берггольца, К. Чуковского, Д. Филофова, Д. Хармса, Е. Шварца, В. Вернадского, и др. Эти авторы, пережившие «глубокое испытание души унижением» [5, с. 18], связаны одной историей и одной судьбой.

Наличие дневников подобного содержания – прямое доказательство того, что дневниковая форма вышла за пределы интимности, стала, возможно, вынужденной формой выступления.

В журнале «Вопросы литературы» Л. Максименков справедливо поднимает проблему архивных публикаций, степени их изученности и доступности. Следует отметить, что если интеллигенция могла оставить после себя какие-то документы, дневники или воспоминания, которые хотя и не в полном объеме доступны для читателя, но во всяком случае сохранены, то крестьяне, как правило, не оставляли в свидетельство о депортациях, голоде, «крепостничестве», убийствах письменных сведений. Лишь немногочисленные дневники, в частности дневник академика В. Вернадского, содержат массу фактической информации: это сведения о репрессиях, фамилии как пострадавших от действий партийных работников, так и самих «деятелей», отражение конкретных событий, «крамольные» характеристики, беседы и обобщения, например: «Газеты переполнены бездарной болтовней XVIII съезда партии. Ни одной живой речи. Поражает убогость и отсутствие живой мысли и одаренности выступающих большевиков. Сильно пала их умственная сила. Собрались чиновники – боящиеся сказать правду. Показывает, мне кажется, большое понижение их умственного и нравственного уровня по сравнению с реальной силой нации. Ни одной почти живой мысли. Ход роста жизни ими не затрагивается. Жизнь идет – сколько это возможно при диктатуре – вне их» [6, с. 183]. Автор много пишет о «полицейской» деятельности отдельных представителей партии, об их преступной

работе. Жесткая цензура, как один из признаков тоталитарного государства, подавляла свободу слова, даже самые безобидные произведения нередко не печатались только потому, что так захотелось редакционному цензору, а публикация дневника, даже самого безобидного, могла обернуться тяжелыми последствиями. Так, «Дневник» К.И. Чуковского пестрит упоминаниями об отчаянной борьбе с цензурой, которая время от времени запрещала самые невинные детские произведения – «Крокодила», «Муху-цокотуху», и сегодня доводы, по которым чиновники их запрещали, по меньшей мере смешны.

Ни один журнал не подвергался в те годы такой критике, как «Новый мир», поскольку он стал центром притяжения для тех, кто искал выхода из социально-экономического тупика, в котором оказалась страна в 60-е годы XX столетия. Причина настороженного отношения власти к журналу очевидна: в нём публиковались произведения, содержащие якобы идейные ошибки, «очерняющие нашу действительность».

Страницы «Рабочих тетрадей» А.Т. Твардовского раскрывают его деятельность как редактора «Нового мира», его духовное сопротивление тоталитаризму, активную гражданскую позицию в общественной жизни и литературе. Твардовскому, как редактору, удалось ввести в русскую литературу А. Солженицына, никому тогда не известного автора, добившись публикации на страницах «Нового мира» повести «Один день Ивана Денисовича»; здесь родился новый писатель Василь Быков; ещё в 1952 году, при жизни Сталина, журналу удалось опубликовать «Районные будни» В. Овечкина, «Записки агронома» Г. Троепольского. Здесь также был опубликован цикл стихов запрещенной тогда Ахматовой. В дневнике А.Т. Твардовский рассказывает о работе журнала «Новый мир» как о части собственной жизни, переживая чувство беспомощности перед бессмысленным требованием цензора, безапелляционным решением «отдела» или досадую на допущенные ошибки: «Подчас кажется, что на меня обрушивается то, что было бы направлено в другой совсем адрес (а может быть, и было направлено) после закрытого доклада о культе личности... Я впервые испытываю воздействие незнакомой мне ранее волны – волны осуждения, негодования, презрения, обличения в продажности и т. п.» [7, с. 185].

Характерным примером «подпольных записей» являются дневники Д. Хармса. Так, поэт и писатель создал тайнопись, которой широко пользовался в своих записных книжках и дневниках. Расшифрованные дневниковые записи Хармса частично опубликовал в начале 90-х годов журнал «Новый мир». Весьма показательна сделанная в апреле 1937 года запись, свидетельствующая о положении большинства писателей в ту эпоху и о работе цензуры: «Пришло время ещё более ужасное для меня. В Детиздате придрались к каким то моим стихам и начали меня травить. Меня прекратили печатать. Мне не выплачивают деньги, мотивируя какими то случайными задержками. Я чувствую, что там происходит что то тайное злое. Нам нечего есть. Мы страшно голодаем. Я знаю, что мне пришел конец. Сейчас иду в Детиздат, чтоб получить отказ в деньгах»¹ [8, с. 215].

¹ В цитате сохранены особенности орфографии и пунктуации автора.

Пришвин определил содержание своих дневников как историю страдания «сознательной личности». Это можно отнести ко всем дневниковым откровениям, в которых свойственный в целом творчеству писателя психологизм достигает апогея.

Любопытна история дневников Ольги Берггольц. В блокадные дни 1941 года дневники были зарыты в землю. После войны, в разгул ждановщины и «ленинградского дела», не уничтожались, препятывались вновь. Сберегая часть своего творческого наследия, поэтесса проявляла огромное мужество, рискуя жизнью. Трагедия О. Берггольц заключалась в том, что, будучи в начале творческого пути романтиком, поэтесса не просто принимала советскую действительность, но свято верила в идеи коммунизма. При столкновении с реальностью искаженное представление сменилось отчаянием: «Я вышла из тюрьмы со смутной, зыбкой надеждой, что «все объяснят», что то чудовищное преступление перед народом, которое было совершено в 35–38 гг., будет хоть как-то объяснено... ждать больше нечего – от государства» [9, с. 183].

Записи Мариэтты Шагинян не столь эмоционально насыщены, как дневники Ольги Берггольц, однако за констатацией факта стоит то же отчаяние: «За эти три дня – мотание взад и вперед, тяжкое настроение: Ростов сдали, немцы под Батайском. Страшно тяжело, что войну в наших местах никто не воспринимает, все размагничены, а это тяжело, хуже равнодушия нет ничего...» [10, с. 147].

Дневниковое письмо отличается столь смелыми авторскими оценками, выводами, что очевидно: подобные записи стали в совокупности свидетельством эпохи, поскольку в них благодаря специфике жанра авторы позволяют себе свободу в суждениях.

Нередко в дискуссиях о камерности дневников возникает вопрос об этичности опубликования: имеют ли право наследники творчества выводить на суд читателя записи, изначально не рассчитанные на огласку? Но существует и другое мнение. Л. Максименков считает, что «владельцы и наследники целых архивных коллекций и авторских прав иногда берут на себя функции пресловутого Главлита» [11, с. 46]. Тем не менее большая часть дневников, пусть с купюрами и правкой, были опубликованы благодаря именно наследникам рукописей, выполнившим волю авторов. Небезызвестно, что дневники Хармса, Чуковского, «Уральский дневник» М. Шагинян изначально не были рассчитаны на публикацию. Мариэтта Шагинян, к примеру, вела дневниковые записи исключительно в качестве основы для написания статей и очерков в годы Великой Отечественной войны. Однако же дневники, соответствуя параметрам как биографических свидетельств, так и документа эпохи, обладают самостоятельной художественной ценностью, поскольку являются результатом неподконтрольного цензуре творчества. В таком случае ведение дневника – это тяжёлый, изнурительный и небезопасный труд, благодаря которому читатель получает уникальную информацию. Авторы с разными жизненными позициями, индивидуальным мировосприятием и различной творческой направленностью стремились не просто зафиксировать пережитое, сохранить, а донести до читателей то, что сумели запечатлеть. Одним из подтверждений этого являются слова Дмитрия Философова: «Пишу сознательно не для себя, а для потомства. Пишу не «мемуары» с итогами, а «дневник». О гладкости «стиля» думаю столько же,

сколько о китайском императоре. Главная цель – упорно и последовательно «записывать», что доходит до слуха «участника мировых событий», «участника» лишь в том смысле, что он *живет* во время этих событий» [12, с. 195].

Традиция ведения дневника как личного документа сохраняется и остается популярной по сей день, но современные дневники (имеется в виду наиболее распространенная форма – Живой Журнал в сети Интернет) отличаются именно тем, что они публичны. Среди подобных дневников, безусловно, есть такие, которые носят интимный характер и, как правило, не интересны для широкого круга читателей. Тем не менее установка на то, что записи будут прочитаны, – показатель того, что дневник является жанром открытым, несмотря на широко распространенное мнение о том, что дневниковая проза имеет «автокоммуникативную направленность» (см. [13, с. 14]), поскольку долгое время использовалась как форма сохранения негласной информации.

«Всякое бытие знаменуется диалогом, а диалог – свободой», – к такому заключению приходит Д.С. Лихачев, развивая идею коммуникативной направленности текстов М.М. Бахтина и утверждая, что диалог присутствует во всем живом, а монолог, то есть отсутствие общения – это отсутствие жизни [14, с. 3]. И хотя «коммуникативная функция публицистического текста в дневниках несколько приглушена» [15, с. 149], идея диалогичности распространяется и на дневниковую прозу, поскольку любое высказывание имеет автора, оценку и значит – своего адресата [16, с. 290].

Если Ф.М. Достоевский в XIX веке рассматривал подполье, с одной стороны, как атмосферу, порождающую свободную мысль, революцию и реакцию, а с другой – как состояние, трагизм которого заключается «в страдании, самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его», то дневниковая публицистика XX века создает иное представление о подполье, раскрывая опыт представителей другой эпохи – опыт духовного противостояния также в стремлении к лучшему и желании достичь его.

Таким образом, дневниковая публицистика являет собой востребованный читателем способ социального протеста, она преподает уроки мужества и надежды, а не страха и отчаяния.

Summary

M.G. Chylukina. Diary as a Literary "Underground".

The article examines some diaries published for the first time in post-perestroika years in the following magazines: "Novyi Mir" ("New World"), "Zvezda" ("Star"), "Znamya" ("Flag"), "Otyabr" ("October"). On the basis of texts analysis conclusion is made that these diaries not only present detailed information about that epoch, but also reveal literary underground of the Soviet period. That is why these diaries are of such great importance.

Key words: publicistic diary, historical source, epochal phenomenon, factual data, genre sincerity, way of protest, publication censorship, archive materials, communicative function.

Литература

1. *Иванова Н.* Гибель богов. Статьи. – М.: Журн. «Огонек», 1991. – 48 с.
2. *Шайтанов И.О.* Как было и как вспомнилось: современная автобиографическая и мемуарная проза. – М.: Знание, 1981. – 48 с.
3. *Лихачев Д.С.* Очерки по философии художественного творчества. – СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «Блиц», 1996. – 191 с.
4. Современная русская литература. Кн. 1, Литература оттепели (1953–1968). – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 288 с.
5. *Каверин В.* Письменный стол. Воспоминания и размышления. – М.: Просвещение, 1985. – 271 с.
6. *Вернадский В.И.* «Коренные изменения неизбежны...» Дневник 1941 года // Новый мир. – 1995. – № 5. – С. 176–221.
7. *Твардовский А.* Из рабочих тетрадей (1953–1960) // Знамя. – 1989. – № 9. – С. 143–201.
8. *Хармс Д.* «Боже, какая ужасная жизнь и какое ужасное у меня состояние». Записные книжки. Письма. Дневники // Новый мир. – 1992. – № 2. – С. 192–224.
9. *Берггольц О.* Из дневников // Звезда. – 1990. – № 5. – С. 180–232.
10. *Шагинян М.* Уральский дневник (июль 1941 – июль 1943) // Новый мир. – 1985. – № 5. – С. 165–220.
11. *Максименков Л.* «Не надо заводить архива, над рукописями трястись» // Вопр. литературы. – 2008. – № 1. – С. 6–47.
12. *Колоницкий Б., Философов Д.В.* Дневник // Звезда. – 1992. – № 1 – С. 189–254.
13. *Поляк Д.М.* Жанр дневника и проблемы его типологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алматы, 2004. – 32 с.
14. *Лихачев Д.С.* Диалог в природе как признак жизни и одухотворения в литературе // Рус. лит. – 1997. – № 3 – С. 3–5.
15. *Пивоварова Л.М.* Дневник как литературная форма // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2007. – Т. 149, кн. 2. – С. 144–151.
16. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

Поступила в редакцию
16.10.08

Чулюкина Марина Геннадьевна – аспирант кафедры журналистики Казанского государственного университета.

E-mail: Chylukina@rambler.ru